

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Савицкая У.Н., Кудрявцева Р.А. Эпиграф как прием контекстуальной поэтики в лирике Альберта Васильева // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 24-36. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76189 EDN: LGNERW URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=76189

Эпиграф как прием контекстуальной поэтики в лирике Альберта Васильева

Савицкая Ульяна Николаевна

студент; факультет Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации; Марийский государственный университет

Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул Кремлевская, д. 44

✉ Ulyana2407@mail.ru

Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424002, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, каб. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76189

EDN:

LGNERW

Дата направления статьи в редакцию:

03-10-2025

Дата публикации:

10-10-2025

Аннотация: В данной статье актуализирован как предмет литературоведческого исследования эпиграф, рассматриваемый авторами статьи как способ представления контекстуального содержания (способ создания особого художественного пространства в литературном тексте). Цель статьи – выявить особенности эпиграфа как приёма

контекстуальной поэтики в современной марийской лирике на примере одного из ярчайших её представителей – Альберта Васильева. Такая цель впервые заявляется и реализуется в региональной и отечественной литературной науке. Материалом исследования стали стихотворения марийского поэта Альберта Васильева, вошедшие в его последние сборники «□шаныза» (Поверьте) (2007) и «Ош лумышто чевер полан» (Калина красная на белом снегу) (2017), имеющие в своей художественной структуре эпиграф (цитату с указанием автора, если он имеется). Методология данного исследования основана на структурно-семантическом, историко-генетическом и контекстуальном анализе литературных произведений. В ходе исследования авторами статьи выявлены основные функции эпиграфа, на основе изучения этого рамочного компонента определены особенности культурного кругозора (контекстуальной компетентности) марийского поэта и специфика его художественного взаимодействия с цитируемыми им авторами. Авторами статьи делается вывод о том, что эпиграф в лирических текстах Альберта Васильева является важным и единственным художественным приемом, представляющим в них многообразные контексты (авторские культурные пристрастия, его мировоззрение, находящее отражение в идейном мире его произведений, авторское окружение, социокультурное и этнокультурное пространство, идеологический контекст и т. д.). Доказано, что эпиграф в творчестве марийского поэта активно участвует в выражении авторской позиции и в формировании художественной идеи лирического произведения. Статья вносит вклад в развитие контекстуальной поэтики – актуального направления современного литературоведения.

Ключевые слова:

Марийская литература, лирика, Альберт Васильев, контекстуальное содержание, контекстуальная поэтика, рамочный текст, основной текст, мотивно-образная система, поэтика, эпиграф

Введение

Контекстуальное содержание в литературном произведении формируется автором в пределах его контекстуальной (культурологической) компетентности; оно включается в художественный текст с помощью различных поэтических средств, составляющих контекстуальную поэтику. «Первый уровень контекстуальной поэтики – это уровень поэтических приемов, с помощью которых автор включает в текст внеположное ему содержание, а именно, аллюзия, цитата, реминисценция, антропоним, топоним, названия произведений искусства, изображение предметов интерьера, эпиграф и т.д.» [1, с. 151]. Предметом исследования в данной статье стал эпиграф, рассматриваемый нами как способ представления контекстуального содержания.

Цель статьи – выявить особенности эпиграфа как приёма контекстуальной поэтики в современной марийской поэзии, а именно, в лирике современного марийского поэта Альберта Васильева. Такая цель впервые заявляется в региональной и отечественной литературной науке. Стихотворения этого автора пока изучались только в рамках анализа тенденций развития современной марийской философской лирики [2; 3; 4].

Материалом исследования стали стихотворения Альберта Васильева, вошедшие в его сборники «□шаныза» (Поверьте) и «Ош лумышто чевер полан» (Калина красная на белом снегу); методология исследована основана на структурно-семантическом, историко-генетическом и контекстуальном анализе литературных произведений.

Результаты исследования, обсуждения

Эпиграф не только задаёт эмоциональный тон авторского текста, отражает тему произведения или делает заявку на проблему / проблематику и художественную идею, но и с его помощью «автор отсылает к философским, литературным или историческим источникам, показывая, что текст входит в диалог с более широкой культурной традицией», «эпиграф отражает влияние других авторов, идей или эпох, послуживших отправной точкой для написания произведения» [5], становясь способом реализации контекстуального содержания.

Между эпиграфом (компонентом рамочного текста) и основным текстом произведения всегда обнаруживается смысловая связь (явная, завуалированная, косвенная); исследователи обозначают следующие средства достижения этой связи: «1. единство тем, мотивов, морали; 2. повтор в тексте отдельных элементов эпиграфа; 3. повтор ситуации; 4. единый контекст, эмоциональный ореол; 5. единый характер персонажей для высмеивания или сожаления; 6. семантический параллелизм; 7. указание на пол, время, возраст, социальный статус героев; 8. всеобщность проблемы; 9. художественные доминанты; 10. нарратив-подсказка» [6].

В сборнике Альберта Васильева «Поверьте» (2007) нами обнаружены девять и в сборнике «Калина красная на белом снегу» (2017) семь стихотворений, в структуре которых имеется эпиграф.

Используя в качестве эпиграфа чьи-то слова (фразы), поэт показывает свою связь с культурной средой цитируемого автора, намекает на свои литературные предпочтения, демонстрирует свой культурный багаж, вступает в диалог с цитируемыми авторами – предшественниками или современниками.

Круг цитируемых марийским поэтом авторов позволяет следующим образом характеризовать его культурный багаж и литературные пристрастия, формирующие контекстуальное содержание его стихотворений: в эпиграфах к своим произведениям Альберт Васильев в основном обращается к собратьям по перу – поэтам. Среди них известные русские поэты (Сергей Есенин, Марина Цветаева, Василий Фёдоров, Николай Рубцов, Андрей Дементьев), аварский поэт Расул Гамзатов, поэты Марий Эл – русские (Нина Жибрик, Екатерина Уланова, Николай Михеев) и марийские (Валентин Колумб, Альберт Лаврентьев, Валентина Изилиanova, Галина Кожевникова). Стихотворение «Ит помыжалте шарнымашым...» (Не пробуждай воспоминаний) содержит эпиграф, состоящий из начальной строки знаменитого русского романа «Не пробуждай воспоминаний...» композитора Петра Петровича Булахова на слова неизвестного автора.

Рассмотрим некоторые примеры таких диалогических отношений, заявленных марийским поэтом, и способы создания культурного контекста, рождающегося на связи рамочного и основного текстов.

Альберт Васильев в целом ряде стихотворений повторяет эпиграф или отдельные его элементы в основном тексте.

Примеры буквального повтора в ситуации марийскоязычного цитируемого автора:

Ужар шинча, ит ончо йодын... (Галина Кожевникова)

Ужар шинча, ит ончо йодын... (двойной повтор – в начале первой и последней строфы) [7, с. 168].

Вес түнште уло, маныт, илыш... (Альберт Лаврентьев)

Вес түнште илыш уло, маныт. [\[7, с. 268\]](#).

Примеры повтора в ситуации русскоязычного цитируемого автора (буквальный перевод на русский язык):

Не пробуждай воспоминаний ... (Руш романс гыч)

Ит помыжалте шарнымашым... [\[8, с. 281\]](#).

Время было, но прошло –

Вечность на пороге... (Екатерина Уланова)

Лийын пагыт да эрталын,

Курымашлык лишемеш [\[7, с. 287\]](#).

Встречается смысловой (не буквальный) повтор, но с максимальным сохранением словообразов и мотивов:

Как странно жизнь устроена:

Дурак в чести подчас (Андрей Дементьев)

Кузе чоналтын илыш,

Кунам умылена?

Сапнам ораде кидыш

Шкеак кучыктенна [\[7, с. 60\]](#).

В данном случае Альберт Васильев переносит в основной текст мотив несправедливого жизнеустройства и образ дурака.

В стихотворении «Ала-кушечын йо□гышо й□ксавыш...» (Откуда-то раздающееся эхо...) основной текст переходит мотив творческой усталости:

Я во сне не летаю,

А падаю вниз (Андрей Дементьев)

Омем денат эсогыл ом чонештыл,

Эре поргемыш веле шунгалтам... [\[8, с. 127\]](#).

Такой же мотив в эпиграфе и основном тексте стихотворения «Пеледын нойышо пеледыш...» (Цветком, уставшим от цветения...):

Пеледышат ноя пеледын... (Валентина Изилиanova)

Пеледын нойышо пеледыш... [\[7, с. 10\]](#).

В этом стихотворении, а также в стихотворении «Окнашке шындыме пеледыш...» (Цветы на подоконнике...) в основную часть произведения переносится еще и образ цветов:

Цветы на подоконнике.

Цветы, цветы... (Сергей Есенин)

Окнашке шындыме пеледыш [\[8, с. 172\]](#).

В нижеприводимых примерах мы видим перенос из текста чужого автора мотива полноты любовного чувства:

Время я остановлю:

– Погоди –

Я долюблю!.. (Нина Жибрик)

Товатат, йөратен шыч пытаре... [\[8, с. 164\]](#).

Любить немножко –

Грех большой... (Марина Цветаева)

Лиеш мо пельж наре йөраташ...

Ит тёчё пельж наре йөраташ... [\[7, с. 73\]](#).

В целом ряде стихотворений основной текст, вообще, не повторяет слов и выражений из эпиграфа, но сохраняет с ним безусловную смысловую связь (стихотворения «Молан турня-влак, вуй ңмбалне пәрдүн...» – «Почему журавли, кружась над головой...»; «Шың вончен шомак шокте гоч...» – «Тихо пройдя сквозь сито слов...»; «Нимо нерген возаш ман...» – «Когда не о чём писать...»; «Пәримашемлан ом ңпекеле...» – «Я не обижусь на свою судьбу...»; «Мый также ир айдеме омыл...» – «Я вообще-то не дикий человек...»).

Во всех стихотворениях, независимо от того, есть ли какой-либо повтор слов и выражений в рамочном и основном текстах, с помощью эпиграфа создается личностный и мировоззренческий портрет цитируемых авторов и, в свою очередь, выявляются и уточняются по принципу единства или противопоставления особенности социокультурных и философско-эстетических взглядов самого Альберта Васильева, которые тоже можно рассматривать как контекстуальное содержание («витальный текст»).

В большинстве случаев прослеживается единство марийского поэта с цитируемым автором, а основной текст лишь продолжает его личностные императивы. Выделим некоторые из таких стихотворений.

В стихотворении Альберта Васильева «Не пробуждай воспоминаний...» в эпиграфе заявлен и в основном тексте художественно реализован мотив прощания (невозвратного завершения любовных отношений), который был основой лирического сюжета и романса, откуда взят эпиграф. Марийский поэт продолжает любовную философию неизвестного автора романса (невозможно и нецелесообразно возвращать то, что уже давно отгорело и ушло). Будучи согласным с этой философией, Альберт Васильев продолжает её, усиливает драматические ноты, обращая внимание на мотивно-образную конкретику, а именно, на причину расставания («Вәран саскаж ден поланвондо / Чонем тәңгече сусыртен» [\[8, с. 281\]](#) – «Кровавыми своими ягодами калина / Вчера моё сердце ранила») и на опасность сложившейся ситуации, требующей разрыва отношений («Шогалынна поргем тәреш» [\[8, с. 281\]](#) – «Мы стоим на краю пропасти»), переключает внимание с

прошлого на будущее («Ит помыжалте шарнымашым – / Эрласылан чыла ۋاشان»[\[8, с. 281\]](#) – «Не пробуждай воспоминаний / Вся надежда на завтрашнее»).

Слова Андрея Дементьева в эпиграфе стихотворения «Откуда-то раздающееся эхо...» задают философскую антитезу, утверждаемую марийским поэтом (прошлое и настоящее, молодость и взрослая жизнь). Дементьевская фраза «Я во сне не летаю, / А падаю вниз» осмыслена Альбертом Васильевым, как и русским поэтом («Для полётов, как видно, / Года мои вышли»[\[9\]](#)), как признак неизбежного взросления / старения, когда человек обрастает множеством проблем, когда романтика (устремление к небу) сменяется холодной рассудочностью:

*Омем денат эсогыл ом чонештыл,
Эре поргемыш веле шунгалтам,
Садлан огеш күл пôртылташ тенгечыш.*

Тора кава деч ынде йўкшенам [\[8, с. 127\]](#)

(Даже во сне не летаю,
Только в пропасть всё время падаю,
Поэтому не надо возвращать во вчера.
Похолодел теперь к далёкому небу).

Лирический герой Андрея Дементьева в стихотворении «Я во сне не летаю» (источнике эпиграфа) тоже всё время падает во сне в бесконечную пропасть, но живёт ожиданием чуда, улыбки возлюбленной, пытаясь сохранить «крупицы» романтики в безжалостном «колесе жизни». Марийский же автор говорит, прежде всего, о нежелании возвращаться в прошлое, обращается к философским мотивам необратимости жизненных циклов и принятия / примирения с законами жизни.

Эти мотивы, но уже наряду с мотивом смерти, присутствуют и в стихотворении «□мыр □ктым□ сортала...» (Жизнь, как зажжённая свеча...); все они заданы эпиграфом «Время было, но прошло – / Вечность на пороге...». Поэтические строки Альberta Васильева – это всего лишь подтверждение эпиграфных слов Екатерины Улановой:

Кайыш, кайыш, ом чамане.

Кайыман иктаж гана.

Чеверласыме тат манын,

Курымашлык чаклана [\[7, с. 287\]](#)

(Ушло, ушло, не жалею.

Когда-то надо уходить.

Признавая [букв. говоря. – У.С., Р.К] момент прощания,

Вечность приближается).

Стихотворение «Тихо пройдя сквозь сито слов...» о полноте любовного чувства сопровождается соответствующей этому содержанию цитатой Николая Михеева «Если

любовь – грех. / Грешники мы с тобой» [7, с. 193]; стихотворение с подобной же проблематикой «Лиеш мо пелыж наре й□раташ...» (Можно ли любить наполовину...) – цитатой Марины Цветаевой «Любить немножко – / Грех большой...» [7, с. 73]; стихотворение «Цветком, уставшим от цветения...» об уставшем от жизни, от борьбы с серостью и беспамятством честном, бескомпромиссном и ответственном поэте – цитатой Валентины Изилияновой «Пеледышат нога пеледын...» (И цветок устает в цветенье) (Альберт Васильев, как и Валентина Изилиянова, утверждает мысль о единстве природы и человеческой жизни); стихотворение «Я не обижаюсь на свою судьбу...» об ответственности самого человека за выбор жизненной траектории и за ее реализацию – заявляющей эту проблему цитатой Николая Рубцова «Мы сваливать не вправе / Вину свою на жизнь...» [7, с. 80].

В стихотворении «Кузе чо□алтын илыш...» (Как устроена жизнь...) (2008) Альберт Васильев продолжает мысль цитируемого в эпиграфе русского поэта Андрея Дементьева о жизненном парадоксе («Как странно жизнь устроена: / Дурак в чести подчас» [7, с. 60]). Продолжая эту мысль, Альберт Васильев проектирует её на механизмы управления общественной жизнью и людьми (дурак, а не умный получает в руки «вожжи» власти), обозначает философию нового времени и психологию людей, выступает с обвинением народа и с беспощадным самобичеванием за политическое невежество, равнодушие, молчание и страх:

Сапнам ораде кидыш

Шкеак кучыктенна [7, с. 60]

(Вожжи наши в руки дурака

Мы сами отдали).

Альберт Васильев заканчивает стихотворение вопросами, обращенными к себе и народу, связанными с надеждой на преодоление социального парадокса:

Кузе чоналтын илыш,

Кунам умылена?

Сапнам ораде кид гыч

Кунам ме налына? [7, с. 61]

(Как устроена жизнь,

Когда поймём?

Вожжи из рук дурака

Когда мы заберём?).

Чужой текст, представленный как эпиграф, на первый взгляд, может не иметь особого смысла, кроме, казалось бы, указания на авторский литературный кругозор и выполнения роли нейтрального зерна. Так, в стихотворении «Цветы на подоконнике...» [7, с. 172] Альберт Васильев демонстрирует свой неподдельный интерес к русскому поэту Сергею Есенину, свою осведомленность – относительно даже не самых известных его стихов, но интересных с точки зрения его творческой лаборатории.

Цитируемые марийским поэтом есенинские строки относятся к стихотворению «Форма» (1924), состоящей из двух частей; первая часть, названная «Своё», начинается как раз словами Сергея Есенина «Цветы на подоконнике...», ставшими эпиграфом васильевского стихотворения; вторая часть названа «Народная. Подражание песенке матери». В комментариях к приложению 1 полного собрания сочинений Сергея Есенина в 7 томах Н.Г. Юсов отмечает: «Форма», видимо, соотносится с размышлениями Есенина о своеобразии поэтических произведений разных жанров, о взаимосвязи со смыслом, содержанием стихов – их ритма, песенности, звукописи и т.д. <...> Пометка «Своё» над первым стихотворением указывает на то, что оно полностью написано поэтом. <...> В подзаголовке второго произведения обращают на себя внимание слова «Подражание песенке матери». <...> Здесь отдельные строки заимствованы из фольклорного источника, имевшего многочисленные варианты» [\[10, с. 417–418\]](#).

Создаётся ощущение, что и у русского, и у марийского поэтов цветы – это нейтральная образная «зажепка» для начала разговора о сложных взаимоотношениях с женщиной, а именно, об отсутствии взаимопонимания, о разности «его» и «её» («Ведь ты такая нежная, / А я так груб» [\[10, с. 191\]](#), и о противоречивости чувств поэта («Мне нравятся две родинки / На лбу крутом» [\[10, с. 191\]](#), «Она такая дурочка...» » [\[10, с. 192\]](#)). Аналогичные размышления о непонимании «его» и «её» есть и у Альберта Васильева:

Кенежым, ом шылте, висвисым

Моткочак мый йёратенам.

Ик ўдырлан, аршашым пидын,

Пёлек шотеш кучыктенам.

Висвислан ўдыр ыш куане.

Ош розам йёрата улмаш [\[8, с. 172\]](#)

(Летом, не скрываю, ромашки

Я очень люблю.

Одной девушке, сплетя венок,

В качестве подарка вручил.

Ромашке девушка не обрадовалась.

Оказывается, любит розы).

Но уже со второй строфы васильевского стихотворения обозначается различие в поэтическом мышлении поэтов. Альберт Васильев усиливает мотивы глубокой грусти и страданий поэта и делает это за счет обыгрывания в основном тексте образа цветка на подоконнике и конкретизации цветов, их смыслов, и цветы становятся неотъемлемым элементом лирического повествования (у Есенина этого нет). Вместо любимых ромашек на подоконнике лирического героя ярко зацвела роза (любимые цветы его возлюбленной), ассоциируемая с ненастоящей любовью («Йёратымашым мый шуаным / Вашлийым угыч йёсланаш» [\[8, с. 172\]](#) – «Любовь с шипами / Я встретил снова для мучений»). Кроме того, роза зацвела в стужу, а не летом, когда цветут любимые поэтом ромашки, она ещё и с шипами – контрастность образов призвана передать внутреннее

состояние поэта – душевное одиночество. Стихотворение заканчивается вопросами, усиливающими драматизм положения лирического героя: «*Куаныман? / Ойганыман?..*» [8, с. 172] (Радоваться? / Печалиться?). В конечном итоге, «зацепивший» марийского автора и попавший «на перо» нейтральный образ цветов из стихотворения Сергея Есенина (он в круге несомненных интересов автора) начинает участвовать в выражении художественной идеи: настоящая любовь невозможна без духовного равенства, взаимопонимания и взаимоуважения.

В отдельных стихотворениях диалог с цитируемыми авторами носит характер несогласия или «мягкого» противопоставления, негласного спора.

В эпиграфе стихотворения «Я вообще-то не дикий человек...» Альберт Васильев приводит две заключительные строчки стихотворения Николая Рубцова «Дышу натуженно, как помпа...» (относится к числу стихотворений, не вошедших при жизни поэта в сборники): «Поэт нисколько не опасен, / Пока его не разозлят». У Рубцова поэт в творческом процессе любит тишину («Не подходите! Я взорвусь!») и поэтическую «компанию» («Ах, если б в гости пригласили, / Хотя б на миг, случайно пусть, / В чудесный дом, где кот Василий / Стихи читает наизусть! / Читает Майкова и Фета, / Читает, рифмами звеня, / Любого доброго поэта...») [11]; он приемлет и бытовые ситуации (весёлый звонок в дверь, неожиданного гостя и «бал в твоей квартире, / Вино, и музыка, и свет» [11], не нарушающие «привычный лад» и не дающие поводов для опасной злости поэта. Продолжая заявленные в эпиграфе мотивы саморефлексии и человеческого понимания («Моткочак е^ңым умылем» [7, с. 86] – «Очень хорошо понимаю людей»), марийский поэт «строит» противоположную рубцовскому (понимание и спокойствие) модель социального поведения неравнодушного человека, желающего быть полезным, но поражённого злостью и ненавистью (неслучайно вместо «опасен» используется им слово «ир» – дикий), предупреждая, к чему они могут привести («Шижам мыят пырт ир улмем» [7, с. 86] – «И я чувствую, что дикий малость»; «...чоным арымшудо / Пасуштылак сенен шуктен» [7, с. 86] – «...душу полынь, / как в поле, успела победить»). Стихотворение заканчивается желанием поэта оставаться человеком, снять с души груз зла и злобы («Чонем садлан тынар ит теме / Осал ден, шыде ден т^ңргоч» [7, с. 87] – «Поэтому не наполняй так сильно мою душу / Злом, злостью через край»), мыслью о том, что поэт по самой природе своей не может быть злым («опасным», как у Рубцова) человеком, даже если он глубоко разозлён, сильно ранен душой:

Ок лий поэт осал айдеме,

Кеч сусырга тудат моткоч [7, с. 87]

(Поэт не злой человек,

Хотя и он сильно может быть ранен).

В стихотворении «Когда не о чём писать...» Альберт Васильев диалогически взаимодействует с Валентином Колумбом. В колумбовском эпиграфе две части, обозначающие два принципа творческой деятельности – писать надо обо всём («чыла нерген» – принцип правдивости в литературе, требующий изображения мира во всём его многообразии) и качественно («сылнын» – принцип высокой художественности). Альберт Васильев, как будто споря с Колумбом, замечает, что, когда не о чём писать, он не будет писать обо всём (о чём-нибудь, лишь бы писать, просто чтобы «тренировать» свою речь); развивая эту мысль, он отмечает, что он не будет восхвалять ненужное (бессмыслицу,

пустяк) и исписывать горы бумаг («*Кагаз дене ом шоно опташ каваным*» [\[8, с. 261\]](#) – «Не намерен складывать стог из бумаг»). В стихотворении просматривается и фольклорный контекст, а именно, народная традиция в понимании ценностного значения фактора «речь»: «Верёвка хороша длинная, а слово короткое», «Пустая бочка гремит», «Ложное слово – на три дня, правдивое слово – на века» [См. об этом: 12, с. 45].

Значительная часть основного текста стихотворения «Когда не о чём писать...» утверждает единство марийских поэтов по вопросу о художественном уровне (помарийски «сылнылык») стихотворных текстов. Важен не объем, а суть (смысл, ядро) («*Шагал тек лийже – / Лийже тудо томанрак. / Сай мурым кужыт дене огыт висе*» [\[8, с. 261\]](#) – «Пусть будет мало – / Пусть он будет ядристей. / Хорошую песню оценивают [букв. взвешивают. – У.С., Р.К.] не по длине») и художественный уровень:

Чон сузырым сай муро веле паремда,

Илем садлан, сылнылыклан кумалын [\[8, с. 261\]](#)

(Душевые раны излечивает только хорошая песня,

Живу поэтому, молясь красоте).

Обращает на себя внимание специфика смысловой связи эпиграфа и основного текста в стихотворении «*Йол йымалне шелышталтше мланде...*» (Под ногами растрескавшаяся земля...). Автор цитируемого текста в эпиграфе – земляк Альберта Васильева Альберт Лаврентьев. Приводим слова дочери Альберта Васильева – Надежды Эмыкан (24.09.2025): «Тиде поэт Морко район гыч. Иктаж 1947 ийыште шочшо. Почеламутым ачай «Марий Эл» газетыште верештын. Посна сборник дене савыкталтын огыл, витне» (Этот поэт из Моркинского района. Родился примерно в 1947 году. Стихотворение отец нашел в газете «Марий Эл». Видимо, в отдельном сборнике не публиковался).

Стихотворение начинается с сомнения лирического героя в правильности слов цитируемого в эпиграфе автора: «*Вес т□няште уло, маныт, илыш...*» (В другом свете есть, говорят, жизнь...) – и с мысли о невозможности их проверить. Эпиграф становится толчком к размышлению автора о самом себе: что ему уготовила ночь? возьмут ли его в рай, если у него нет денег, чтобы его купить? а что у него есть вообще? чем он отличается от красиво цветущей, но пустой лебеди на поэтическом поле? нужны ли поэты (певцы) в этой, реальной, жизни? Отвечая на эти вопросы, поэт замечает, что у него нет денег, чтобы купить вход в рай, но вход в рай он мог бы оплатить своей хорошей песней, а также своим бесстрашием («*Шелышталте йол йымалне мланде. / Ом кора□ мый – порволаш ом л□д*» [\[8, с. 268\]](#) – «Растрескавшаяся под ногами земля. / Не отойду я – не боюсь провалиться») и светом души («*Й□ленам мый шемын огыл – кандын*» [\[8, с. 268\]](#) – «Горел я, не чернея – голубея»).

Эпиграф активно участвует в выражении авторского отношения к событиям, явлениям, людям из реального мира – к внеположному тексту содержанию, ставшему объектом размышлений и переживаний лирического героя. Так, стихотворение «Почему журавли, кружась над головой...», написанное в 1997 году под впечатлением вооруженного конфликта в Чечне в 1994–1996 годах, получившего название первой чеченской войны, содержит смысловую преемственность реальных времён и событий: «с кровавых не пришедшие с полей» солдаты Великой Отечественной войны, защищавшие родину от внешнего врага (эпиграф – строчки из стихотворения Расула Гамзатова); невозвращение с войны как трагедия всех войн в мире (начальная строфа

стихотворения Альбера Васильева: «Молан чылан салтак гыч огыт пртыл, / Ужаргынек сар тулышто йлат?»[\[8, с. 116\]](#) – «Почему не все возвращаются с солдатства, / Сгорают, вплоть до молодых (букв. зелёных. – У.С., Р.К), в огне войны?») – невозвращение с войны, разгоревшейся уже в современности внутри страны («Адак чылан салтак гыч огыт пртыл...» [\[8, с. 117\]](#) – «Опять не все возвращаются с солдатства»).

Стихотворение передаёт глубокие переживания поэта по поводу продолжающейся гибели молодых («ужар» – «зелёных») солдат – уже в новой, никому не понятной войне («А к тушман, ок пале нигат»[\[8, с. 116\]](#) – «А кто враг, не знает никто»), но кому-то очень выгодной («Клан гын ойго, а клан гын шртньо...»[\[8, с. 117\]](#) – «Кому-то горе, а кому-то золото...») и нужной («Да кн титакшым адакат трлашлан / Ужар салтакын тулышко колтат?» [\[8, с. 116\]](#) – «И чтобы опять исправить чью ошибку, / Зеленых солдат отправляют в огонь?»).

Для усиления своих переживаний по поводу трагедии войны Альберт Васильев обращается к экспрессивной детали-параллели, содержащей заявленный в эпиграфе образ журавлей: «Молан турня-влак, вуй мбалне прдын, / Торашке жын, йс кычкырат?»[\[8, с. 116\]](#) (Почему журавли, кружась над головой, / Вдали зовя, тяжело кричат?) – по поводу войн вообще (в начале стихотворения); «Прдеш турня, чон йсын кычкырен»[\[8, с. 117\]](#) (Кружится журавль, крича, измучившись душой) – по поводу чеченской войны (в конце стихотворения). И так же, как Расул Гамзатов, Альберт Васильев представляет журавлей как символ боли, памяти и предостережения.

Заключение

Итак, эпиграф в лирических текстах Альбера Васильева является важным и единственным художественным приемом, представляющим многообразные контексты (авторские культурные, литературные пристрастия, его мировоззрение и нравственные ориентиры, находящие отражение в идейном мире произведения, авторское окружение, социокультурное и этнокультурное пространство и т.д.). Определяя контекстуальное содержание стихотворений, эпиграф выступает и в основной своей функции – выражение авторской позиции и художественной идеи произведения.

Библиография

1. Кудрявцева Р.А., Старыгина Н.Н., Крылова О.С. Локализация пространства как способ организации художественного текста (на материале русской и марийской литературы): коллект. монография / Мар. гос. университет; сост. Р.А. Кудрявцева; науч. ред. Н.Н. Старыгина. Йошкар-Ола, 2025. 162 с. EDN: TMLWUI.
2. Любимов Н.И. Философия природы в лирике Альбера Васильева // Litera. 2022. № 7. С. 91-100. URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.ptp-id=38466 (дата обращения: 10.09.2025).
3. Любимов Н.И. Образ ветра в социально-философской лирике Альбера Васильева // Филология: научные исследования. 2023. № 6. С. 47-58. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.6.40980 EDN: RTVUOW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40980
4. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: коллективная монография / Мар. гос. ун-т; Р.А. Кудрявцева, Н.Н. Старыгина, Н.И. Любимов и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2022. 181 с.
5. Эпиграф // Словарь литературоведческих терминов. URL:

- <https://foxford.ru/wiki/literatura/epigraph> (дата обращения: 15.09.2025).
6. Чернорицкая О. Эпиграф // URL: <https://rexgolg.ru/page1> (дата обращения: 20.09.2025).
 7. Васильев А.А. Ош лумышто чевер полан: почеламут аршаш. Йошкар-Ола: Марий книга издательство "савыктыш пöрт", 2017. 344 с.
 8. Васильев А.А. Ўшаныза: ойырымо почеламут-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2007. 296 с.
 9. Дементьев А. Я во сне не летаю // URL: <https://www.culture.ru/poems/8719/ya-vo-sne-ne-letayu> (дата обращения: 06.10.2025).
 10. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в семи томах / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука – Голос, 1995. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в "Собрание стихотворений". 536 с.
 11. Рубцов Н.М. Стихотворения, не вошедшие при жизни поэта в сборники // URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php-name=Poezia&go=page&pid=41707> (дата обращения: 29.09.2025).
 12. Глухова Н.Н., Кудрявцева Р.А. Этнические ценности мари // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30). Ч. II. С. 44-47. EDN: PW GFKB.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена исследованию специфики функционирования эпиграфа как приема контекстуальной поэтики в творчестве современного марийского поэта Альбера Васильева. Автор сосредотачивается на особенностях взаимодействия эпиграфа и основного текста, подчеркивая роль первого в формировании общего художественного замысла произведения. Этот аспект ранее не получал достаточного внимания в отечественных исследованиях, что подчеркивает оригинальность выбора предмета изучения.

Автор применяет комплексный подход, включающий структурно-семантический, исторический и контекстуальный анализы. Эти методы позволяют раскрыть глубинные смыслы эпиграфов и установить взаимосвязи между ними и основными частями стихотворений. Такой подход помогает показать, каким образом эпиграфы формируют культурно-исторический фон творчества поэта и отражают его эстетические взгляды.

Исследование актуально ввиду недостаточной разработанности вопросов контекстуальной поэтики в современных литературоведческих трудах. Исследование эпиграфа как элемента поэтики расширяет горизонты восприятия художественных особенностей творчества Альбера Васильева, обогащая понимание его лирики и способов выражения авторских интенций.

Научная новизна заключается в подробном изучении эпиграфа как важного компонента структуры стихотворений, определяющего их культурологический подтекст. Работа открывает новые перспективы для исследований контекстуальных практик в марийской литературе и формирует базу для дальнейших научных изысканий в области межтекстовых связей и влияния культуры на творчество писателя.

Стиль изложения выдержан в академической традиции, характеризуется четкостью формулировок и ясностью аргументации. Однако местами заметна некоторая перегрузка

терминологией, что затрудняет восприятие материала. Например, понятие «контекстуальная поэтика» могло бы быть пояснено подробнее, особенно для читателей, не знакомых с данным направлением филологии.

Работа выстроена последовательно: введение вводит в тематику исследования, далее следуют описание методов, материалов и результатов, заключение подводит итоги проделанной работы. Однако распределение объема материала неравномерно: основное внимание удалено отдельным примерам, тогда как общие теоретические положения представлены недостаточно подробно.

Содержание статьи богато иллюстративным материалом, подкрепленным обширной библиографией. Примеры показывают разнообразие форм взаимодействия эпиграфа и основного текста, однако иногда возникает впечатление чрезмерной детализированности, отвлекающей от общей картины. Возможно, стоило выделить ключевые моменты, сделав упор на наиболее яркие случаи проявления функций эпиграфа.

Список использованной литературы обширен и охватывает как фундаментальные труды по теории литературы, так и современные монографии и статьи. Это свидетельствует о тщательной подготовке автора и глубоком погружении в тему.

Автор, к сожалению, не приводит критических отзывов исследователей по данному направлению, ограничиваясь собственным мнением. Было бы полезно включить обсуждение альтернативных точек зрения и полемику с существующими теориями, что повысило бы убедительность выводов.

Выводы сформулированы ясно и лаконично, подчеркивают значимость проведенного исследования для расширения представлений о механизме формирования культурных контекстов в поэзии. Они подтверждают первоначальную гипотезу о важной роли эпиграфа в построении целостного художественного мира произведения.

Статья будет интересна исследователям марийской литературы, специалистам по сравнительному литературоведению и студентам филологических специальностей. В целом, работа, несмотря на вышеуказанные недочеты и замечания, соответствует предъявляемым требованиям и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.